

УДК 101.1:316

ББК. 87.6

А 98

Ашхамахов Руслан Казбекович, аспирант Краснодарского государственного университета культуры и искусств, т.: 8(952)8200924.

**РЕГУЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ СЕКСУАЛЬНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА**

(рецензирована)

Данная статья представляет собой попытку переосмысления постфрейдистских взглядов на сексуальность как латентную силу современной культуры.

Ключевые слова: интимьер, сексуальность, модус сексуальности, социальное Я, дионисийское и аполлоническое, садомазохизм, массовая культура, постмодернизм.

Ashkhamakhov Ruslan Kazbekovich, post graduate student of Krasnodar State University of Culture and Arts, tel.: 8 (952)8200924.

**REGULATORY ROLE OF SEXUALITY IN SOCIAL AND CULTURAL
PROCESSES OF MODERN WESTERN SOCIETY**

(reviewed)

This article is an attempt to rethink post-Freid views on sexuality as a latent force of modern culture.

Keywords: intimer, sexuality, mode of sexuality, social self, Dionysian and Apollonian, sadomasochism, mass culture, postmodernism.

Современная социальная философия, как зарубежная, так и отечественная, не может сегодня обойти своим вниманием такое новое измерение жизненного мира человека и социума, как сексуальность. При этом речь не идет о мужчине и женщине как эротических объектах или объектах желания. Сегодня и эмпирически, и теоретически необходимо более глубоко обосновать мысль о том, что взаимоотношения полов не сводятся лишь к межполовым отношениям, а составляют саму ткань социума и его культуры.

В XX веке некоторые контуры нынешней ситуации в культуре, на наш взгляд, были намечены Ж. Батаем, который в своей книге «История эротизма» отмечал, что сексуальность находится в трансгрессивном движении, т.е. не локализуется, не занимает какого-либо фиксированного места а проникает во многие сферы жизнедеятельности людей [1].

И действительно, как он и предполагал, вполне очевидным становится мощное давление сексуального мотива, стремление к ее тотальной репрезентации, которая заявляет о себе отовсюду. Рассуждая об этом, отечественный философ А.К. Секацкий обозначил этот феномен очень оригинальным термином «постгенитальная сексуальность». В своей статье «Постгенитальная сексуальность и европейская цивилизация» автор посчитал такую сексуальность свойством современного западного типа эротизма, который, по его мнению, детерминирован нынешним состоянием европейской цивилизации [2]. Его интуиции относительно наполненности социальной среды сексуальными символами специфического характера представляются чрезвычайно интересными. Солидаризуясь с автором и его любопытным видением наполненности существования личности сексуальным подтекстом повсеместно, мы не можем не задаться вопросом, что же влияет на такое мировосприятие?

В понимании А.К. Секацкого спонтанный модус сексуальности, создатель которого – женщина, направлен изначально как-бы безадресно вовне, в социальное пространство. Мужчина же выступает здесь как активная принимающая сторона, которая должна играть по определенным этим модусом правилам, создавая прецедент для фиксации его внимания на себя. Конечной целью здесь не является именно достижение половой близости, а, в первую очередь, обе стороны заинтересованы заменить эту цель самим процессом, так сказать, соудовлечения в пространстве образа сексуальности. Однако происходить данный процесс может только тогда, когда мужчина правильно на него реагирует.

А.К. Секацкий далее предполагает, что мужчин и женщин отличают их полюса восприятия. Назовем их «Аполлонический» и «Дионисийский» вслед за Ницше [3]. Это, кстати, согласовывается с расхожими суждениями о том, что мужчина склонен оценивать женщину зрительно, тогда как женщина, что называется «любит ушами».

Говоря об этих полюсах, обозначенных выше как «аполлонический» и «дионисийский», известная феминистская исследовательница Камилла Палья в своей

работе «Личины сексуальности» констатирует победу мужского (аполлонического) начала над женским (хтоническим), что, по ее мнению, и ознаменовало торжество научно-технического прогресса. Проект европейского просвещения и христианизации не уделял должного внимания сексуальной сфере жизни и эротическому напряжению в массах, которое росло до сегодняшних дней, выражаясь в новом культе телесного проявления как слабого звена общества. Для такого заявления существуют достаточные эмпирические основания. Сегодня как правило молодая девушка стремится превратить свой социальный образ в *femme fatale* (роковой женщины), и тогда мужчина с той или иной степенью активности отвечает ей на это, с одной стороны, аполлоническим рвением приручить «необъяснимую» природу женской сексуальности, с другой - страхом перед ней. Следует в этой связи заметить, что женщина в глазах мужчины выступает посредником между ним и влекущим его идеями самоутверждения современного бытия. Каждое поражение перед силой женского «интимьера», т.е. области чувственности, распространяющейся невербально, может быть интерпретированно, как неспособность мужчины вписаться в постиндустриальный контекст и, соответственно, получить его блага, поэтому эта влекущее-пугающая «зубастость» сексуального модуса может угасить огонь «социального фаллоса» мужчины [4].

Что касается женщины, то она тоже имеет двойственность восприятия мира через мужское начало. Испытывая удовлетворение от создаваемого ею интимьера даже в отсутствии конкретного адресата, она имеет риск стать жертвой его неправильного чтения, и чем чаще это будет происходить, тем более велика вероятность ее отставания от утекающего духа времени, что равносильно неприятию ее обществом как желанного объекта, имеющего социальную ценность, пользующегося его достижениями, и не только юридически, но и реально принимающего участие во многих сферах культурной жизни. С другой стороны, она ощущает угрозу аполлонического напора современности и хочет подчиниться его воле, отдать свое Я автоматическому конформизму.

Таким образом, сексуальные подоплеку социальных Я у обоих полов амбивалентны. В современном мире аполлоническая и дионисийская культуры идут рука об руку, сталкиваясь друг с другом.

Далее, необходимо обратить внимание и на такую проблему как проявление асоциальной дисменории – целенаправленного нарушения естественных периодов протекания женских циклов. В противоположность этой болезни цивилизации в племенных обществах естественная репродуктивность регулирует социальные взаимодействия между полами. Мудрая природа напоминает о хтонических правах женского тела, биологических часах, которые невозможно без ущерба для физического и психического здоровья отключить. Мужчина тоже знаком с хтоническими часами, только их, как это ни парадоксально звучит, создает аполлоническая культура современности. В свою очередь, к ней подстраивается характер социального времени: будильник, расписание транспорта, график дня, рабочий распорядок, программы телепередач и т.д. делят жизнь человека на повторяющиеся промежутки, ошибочно выдавая себя за данность и реалии мира, как такового. Усугубляющаяся условность социокультурной динамики общества привели к тому, что гендерные роли стали более гибкими, чем когда бы то ни было [5]. Например, женщины тоже начинают воспринимать мужчин с визуального аполлонического плана. До середины XX столетия невозможно было представить, чтобы мужчина ходил в тренажерный зал только лишь затем, чтобы выглядеть более желанным противоположному полу. Сегодня это в порядке вещей.

Переосмыслить роль социального Я с неопределенных точек зрения крайне тяжело, если невозможно, поскольку чистых атрибутов сексуальности практически не осталось. Уже нельзя что-то назвать истинно мужским, а что-то истинно женским [6].

Пребывание в состоянии постоянного сексуального напряжения, подкрепляемого не только непосредственно зрительным контактом с объектом противоположного пола, но и через артефакты массовой культуры, пропитанной духом телесности и гедонистического содержания, диктует одномерность видения социального мира. Он представляется похожим на поток волн, прибывающих и уходящих. За оргазмом следует спад и готовность к новому оргазму. Здесь нам может помочь философское переосмысление негативного воздействия на людей современного кинематографа и современной семпловой электронной минималистской популярной музыки, построенных по тому же принципу прибывающей и уходящей волны. Мы можем даже назвать это гипнотическим воздействием текущей культурной парадигмы, ни на секунду не позволяющей человеку выйти из данного состояния или

подготовки к нему. Такого рода гипноз ограничивает степень рефлексии личности. Он не позволяет осмысленно определять собственную свободу или, как говорил Эрих Фромм, превращает взаимоотношения между людьми в садомазохистскую зависимость, ошибочно принимаемую из страха потери социального «Я» за натуральные одухотворенные чувства (любви, преданности, дружбы, верности) [7].

Особенность современного «садомасохистского» типа социальной зависимости связана с образностью и символикой массовой культуры. Для сравнения укажем, что постструктуралисты ставили в знаменатель становления человека как творческого существа, познающего окружающий мир языковой фон, конституирующий его мышление. Погружение человека в контекст долженствования и предназначения получает лексическое выражение. Коллективный информационный багаж знаний преломлен и скорректирован понятийно-языковым «шумом» сменяющих друг друга неологизмов и бесконечно вспыхивающих и угасающих лексических игр.

Для первичного представления об истоках возникновения «постгенитальной» сексуальной (А.К. Секацкий) проблематики необходимо обратить также внимание на предлагаемые массовой культурой образы социально-одобряемых типажей «маскулинной» личности, которые с созданием кинематографа нашли себе более быстрый путь до реципиента. Если предположить, что эта культура за прошедший век как никогда ранее эффективно унифицировала, а точнее довела до абсурда данные образы за счет мирового телевидения, голливудского кинематографа и музыкальной индустрии, то фактически мы получаем новый алгоритм определения и передачи нормативной «маскультной» информации, который навязывается людям элитными группами общества. Естественно, они имеют свою заинтересованность в создании такого матричного программного продукта для обеспечения и поддержания своего статусного уровня. Определенные признаки подобной политики в современном западном обществе «читаются» вполне однозначно. Во-первых, матричный продукт однороден по структуре. Сегодняшняя массовая культура имеет заранее очерченные со стороны элиты темы и рамки дозволенного. Во-вторых, он многократно воспроизводим. Каждый очередной блокбастер – это свежая интерпретация давно разработанного сценария, только передается она не из уст в уста, а через драматургическую систему образов (зрительно). Все, что делает заказной автор (фальсификатор истории) – добавляет свои, предварительно одобренные в верхах

общества, комментарии и «злободневные» правки. Ну, а если говорить более обширно, то это современные мифы и былины о «героях».

Совершенно очевидно, что современная культура демонстрирует свою явную трансформацию. Чрезмерное лавинообразное увеличение по большей части низкокачественной информации в коммуникационных сетях обесценивает в человеке дух исследователя. Появилось слишком много «стройных» теорий и школ, подвергать сомнению основные положения которых ему запрещено под страхом остракизма от науки и достойного социального статуса. Творческий потенциал гуманитарной мысли отчуждается постмодернистской массовой культурой в пользу притягательного сексуального инстинкта, лежащего в подтексте регуляции социальных отношений. В крайних формах выведенный за рамки супружеской интимной близости на общественную арену, этот постгенитальный уродливый феномен стремится подчинить себе разум личности, отвлечь его от насущной жизненной цели в познании истины и достижения чистой радости свободного осознанного бытия. Взамен же он предлагает человеку примитивный суррогат, в котором никакой цели вообще нет, а есть только процесс безопасного удовлетворения чувственно-телесных желаний, иллюзия полноты материального существования, которая в конечном счете приводит его к энергетическому истощению и морально-нравственной и умственной деградации, серию «микрооргазмов», вместо жизни с мощным и единым «оргазмом» позитивной свободы.

В результате восприятия «продуктов» такой культуры со стороны человека происходит фрагментарно как спонтанный акт познавания мира, создавая у него ложное ощущение их безусловной необходимости и легальности. Неудивительно поэтому его ответная реакция чисто потребительского отношения к искусству и науке, которые, со своей стороны, все более и более изоцряются в создании новых фантомных образов современных «супергероев» и технологий, а так же средств индустрии массовых развлечений. Можно также обратить внимание на то что наполненность сексуальным контекстом социального мира повсеместно, по мнению некоторых авторов, – это следствие закономерных процессов, к которым привела новая история мировых войн. Садомазохистские взаимоотношения между людьми сегодня – реальность, если согласиться с работами Маркузе и Э. Фромма. Но, если относиться к обществу как к монаде, то современная культура, во многом подавляя

творческое начало человека, делает социум садомазохистским, давая ему иллюзорное представление о контроле над теми фрустрирующими факторами, от которых он ограждается сексуальной наполненностью всех своих институтов. Под таковыми факторами мы подразумеваем демографические сложности, глобальную культурную диффузию, экологическую ситуацию, закат капитализма и др.

Мы хотим особо подчеркнуть, что указанные универсальные характеристики постгенитальных отношений между мужчинами и женщинами относятся к мегаполисному постмодернистскому типу общества и охватывают в большинстве своем высшие и средние слои прозападной ориентации, также и в современной российской ситуации. При этом, вряд ли можно однозначно утверждать, что и низы социальной пирамиды не задействованы, так или иначе, в этом процессе.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что в социальной философии XXI века одной из ее важнейших проблем становится проблема влияния секса и сексуальности на жизненный мир личности и ее социальный и культурный контекст, что требует ее дальнейшей концептуализации и глубокого теоретического исследования.

Литература:

1. Батай Ж. История эротизма. М., 2007. С. 86.
2. Секацкий А. Постгенитальная сексуальность и европейская цивилизация. Метафизические исследования. [Вып.5. Культура](#) // Альманах [лаборатории метафизических исследований](#) при Философском факультете СПбГУ. 1997. С. 97.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М., 1990. С. 32.
4. Палья К. Личины сексуальности. М., 2006. С. 98.
5. Там же. С. 134.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 2004. С. 147.
7. Фромм. Э. Бегство от свободы. М., 2011. С. 108.

References:

1. Batai J. History of eroticism. M., 2007. P. 86.

2. *Sekatsky A. Postgenital sexuality and European civilization. Metaphysical studies. No. 5. Culture // Almanac of the metaphysical laboratory research of the Faculty of Philosophy of St. Ptb. State University, 1997. P. 97.*
3. *Nietzsche F. The Birth of Tragedy, or Hellenism and pessimism. M., 1990. P. 32.*
4. *Paglia K. Masks of sexuality. M., 2006. P. 98.*
5. The same. P. 134.
5. *Heizinga J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow. M., 2004. P. 147.*
6. *Fromm. E. Escape from Freedom. M., 2011. P. 108.*